

Пол Джонсон

ИИСУС

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

Пол Джонсон

Иисус. Жизнеописание

«Азбука-Аттикус»

2010

Джонсон П.

Иисус. Жизнеописание / П. Джонсон — «Азбука-Аттикус», 2010

Иисус Христос, Господь Бог и Сын Божий – величайший Человек в мировой истории. Весь земной путь Спасителя был необыкновенен – от удивительного рождения до трагического, но чудесного конца. Иисус был пылким и созерцательным, откровенным и тонким, властным – временами даже суровым – и при этом бесконечно добрым, понимающим, всепрощающим и любящим, столь ослепительным в Своем совершенстве, что бывшие рядом с Ним без колебаний верили в Его Божественную сущность. Он явился воплощением высшей богословской формулы: Бог есть любовь. Новые заповеди, данные Иисусом, стали нравственным и общественным стержнем христианской веры, которую Он основал. Если сейчас, в XXI веке, в мире находится место доброте и великодушию, то лишь благодаря Иисусу. Ибо сказано в Евангелии от Иоанна: «Я есмь путь и истина и жизнь».

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Пол Джонсон

Иисус. Жизнеописание

Моей матери, Анне Джонсон, первой поведавшей мне об Иисусе

Paul Johnson

Jesus

A biography from a believer

© Paul Johnson, 2010

© Благина О., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус», 2014

КоЛибри®

Предисловие Человек и Господь

Иисус из Назарета был величайшим человеком в земной истории. О нем написано и сказано больше, нежели о любом из живших на Земле. Самый ранний из сохранившихся документов, упоминающих об Иисусе, – Первое послание апостола Павла к коринфянам – распространялся (то есть неоднократно переписывался) в 50-е годы I столетия от Р. Х., спустя двадцать лет после смерти Спасителя. К тому времени уже существовали Его жизнеописания, составленные на арамейском языке, на котором говорил Сам Иисус, но ни единого из них не сохранилось. Однако спустя полвека после Его смерти появились четыре биографии на греческом – и все они дошли до нас. К концу I века существовало уже сорок пять достоверных документов о Спасителе, они тоже сохранились доныне. С тех пор стали появляться сначала отдельные документы, а потом множество книг о Нем на разных языках. На сегодня только на английском напечатано более ста тысяч Иисусовых жизнеописаний – и еще больше монографий, посвященных земному пути Спасителя. Только в первое десятилетие XXI века таких монографий появилось более ста.

К 50 году от Р. Х. в пяти-шести странах распространилась религия, чтившая учение Иисуса, Его смерть и воскресение. Его последователи стали известны как христиане – это имя с радостью приняли верующие, хоть и возникло оно в Антиохии, чьи горожане славилась умением коверкать язык. С тех пор число христиан все множилось; ныне их уже более 1,25 миллиарда. В некоторых частях света их число остается неизменным или даже сокращается – зато оно неуклонно растет в Азии, Латинской Америке и особенно в Африке. Первый христианский молельный дом появился около 50 года. В наши дни существует почти миллион часовен, церквей, базилик, аббатств и соборов, среди которых встречаются величайшие, известнейшие и прекраснейшие образцы зодчества. Образ Иисуса – любимое изображение в живописи и скульптуре. Аналогично преобладает христианское влияние в поэзии, музыке и других видах искусства. Исключение составляют лишь фотография, кинематограф и электронные средства массовой информации, хотя и там нередко упоминают о Спасителе. Во многих отношениях – особенно в культурном и нравственном – жизнь Христа и утверждение веры, ею порожденной, стали наиглавнейшими событиями в истории человечества – стержнем не только нынешнего, но, как мне видится, и грядущего нашего бытия.

До сих пор мы вели речь о влиянии Иисуса Человека. Однако столь велик Иисус не только личностью Своей и деяниями, но тем – в это веруют все христиане, и среди них я сам, – что Он был – и есть – Господь. Неповторимое земное явление Бога, воплотившегося в Человеке, и составляет сущность христианства. Как же объяснить это единственное в своем роде явление? Тайна – подобно многим основополагающим вопросам, то и дело встающим перед нами, – и возможно лишь гадать о ней. Как же сделать людей достойными пребывать в лоне Божиим? Ответ сыщется в Евангелии от Иоанна (3: 16): «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную».

Поскольку Господь вездесущ и всеведущ, должно предположить, что искупление людских грехов Спасителем, принесшим Себя в жертву ради величайшей цели – спасения людского рода, было предназначено еще при сотворении времени и пространства, и посему Бог изначально был единосущным и триединым: Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой. Почему же дело спасения началось только в 4 году до н. э., вместе с Рождеством Христовым, а не раньше и не позже? Но коль скоро Бог существует вне времени и пространства, кои суть лишь переходящие орудия, позволяющие человечеству развиваться и подвергаться испытаниям, дабы впоследствии спастись, то вопрос (хотя он, по-моему, вполне естествен) остается тщетным

и бесполезным. Бесполезно пытаться познать природу Иисуса и Бога Отца, Его довременное существование, поскольку тут перед нами – непознаваемое, не говоря уже о будущем, скрытом от нас.

Однако мы способны писать о земной жизни Иисусовой, когда, говоря словами апостола Иоанна: «И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины...» (1: 14). О жизни Его писали чаще и подробнее, чем о жизни любого другого человека, – с бесконечным разнообразием подробностей, выказывая всевозможную ученость; часто писали и противоречиво и – само собою разумеется – язвительно. Подобно всему прочему, ученость подвержена влияниям, и в конце XIX – начале XX века стало модным твердить, будто Иисуса никогда и не было. В наше время ни один серьезный ученый не разделяет подобной точки зрения, поскольку следы и свидетельства земной Иисусовой жизни весьма изобильны. Светские римские писатели, жившие немногим позже, чем Он, – Плиний, Тацит и Светоний – и не помышляли сомневаться в пришествии Господнем, как не сомневался в нем и педантичный, добросовестный еврейский историк Иосиф Флавий. Более того, биографий большинства заметных героев античного мира, чье существование отнюдь не подвергали и не подвергают сомнению, не существует, но есть четыре жизнеописания Иисусовых, одно из которых оставлено современником и свидетелем, а другие записаны со слов видевших Его, спустя тридцать-сорок лет после Его смерти, – все четыре совпадают во всех основных подробностях и подтверждаются во многих частностях письмами и заметками тогдашних последователей Иисусовых.

Не оттого сложно повествовать о жизни Иисуса, что источники скудны, а оттого, что изобильны донельзя и трудно разгадать в строках дошедших до нас текстов истинное значение сказанного и содеянного Спасителем – это приходится заново толковать каждому новому поколению людскому. Кроме того, непросто дать читателям, живущим спустя два тысячелетия, представление о столь незаурядной и многогранной личности. Иисус был Человеком пылким и созерцательным, откровенным и тонким, властным – даже временами суровым – и при этом бесконечно добрым, понимающим, всепрощающим и любящим, столь ослепительным в Своем совершенстве, что бывшие рядом с Ним, без колебаний верили в Его Божественную сущность. И все же одна из доблестей христианских заключается в том, что во все периоды истории писатели считали возможным и отваживались изображать Сего Человека таким, каким Он им казался.

В нижеследующей работе портрет Его написан и широкими мазками, и тонкими штрихами; здесь отражены итоги многолетней работы, кропотливого изучения исторических документов. Не считая ссылок на евангельские тексты, я не цитирую авторитетных источников, хотя при необходимости готов документально подтвердить все свои утверждения. Моя цель – ясность и краткость, а главное мое желание – выразить радость, которую я испытываю, следуя за Иисусом, получая от Него духовную пищу и размышляя над Его словами.

Глава 1

Рождение, детство, юность

Мир, в котором родился Иисус, был грубым, жестоким, воинственным и неустойчивым. Это был мир, ценивший лишь земные блага и делавшийся все богаче. Управлял им Древний Рим, владевший множеством колоний и постепенно превращавшийся из республики в империю, раскинувшуюся по всем берегам Средиземного моря, которое Гней Помпей Великий очистил от некогда кишевших там пиратов. Действовал Помпей беспощадно: истреблял морских разбойников, пытал их и казнил тысячами. В итоге, еще до Рождества Иисусова, местная торговля процветала, многие города и отдельные купцы удвоили свои богатства за поколение до того, как пришел Спаситель.

Римская империя, расширяясь от средиземноморских побережий в глубь материка, уже занимала земли нынешних Италии и Испании, равно как и Греции с Египтом, а также страны, которая в наши дни зовется Турцией. Подданными Римской империи числились примерно 50–60 миллионов человек. За пятьдесят лет до рождения Иисусова Юлий Цезарь присоединил к империи всю Галлию (современную Францию) и даже предпринял две разведывательные экспедиции в Британию, хотя Британские острова были завоеваны Римом лишь через пятнадцать лет после смерти Христа. Расширявшаяся империя пользовалась не столько новыми техническими изобретениями, сколько мышечной силой почти 15 миллионов рабов, составлявших треть городского населения. Рабскую жизнь очень точно – и всего тремя словами – определил Аристотель: «работа, плетка и пища». Цена умелого раба равнялась цене двухгодичного съестного припаса. Не ученые и не изобретатели, римляне все же были законодателями и строителями. Законы их были одинаковы для всего Средиземноморья и насаждались с ужасающей суровостью: правосудие вершилось при помощи крестов, на которых преступников распинали и оставляли медленно умирать. Римляне строили прекрасные дороги. Они открыли достоинства цемента, при смешивании с обломками твердых пород превращавшегося в бетон. Вся Римская империя покоилась на бетоне. Именно этот строительный материал позволял создавать колоссальные акведуки, обеспечивавшие города водой, и возводить огромные общественные здания. Рим не мог похвастать столь богатой культурой, сколь, например, греческая. Большинство статуй, украшавших римские города, были копиями греческих подлинников, и не было в империи ничего равного прекрасному афинскому Парфенону. Все же римский Форум впечатлял своим величием, а Пантеон, возведенный при жизни Иисуса, своими размерами превосходил все подобные сооружения. А еще в Риме стремительно развивалась литература. Римский поэт Вергилий умер за пятнадцать лет до рождения Иисуса, а великий Гораций – всего за четыре года. Овидию, поэту-лирику, в 4 году до н. э. исполнилось тридцать девять. Тит Ливий закончил свой величайший труд по истории Рима, когда Иисус был подростком. Сенека, драматург и философ, был сверстником Иисусовым. А знаменитую скульптуру «Лаокоон и его сыновья», хранящуюся в одном из музеев Ватикана, изваяли, когда Иисус был еще ребенком.

Период культурного расцвета, совпавший с эпохой, в которую жил на земле Иисус, объясняется общественным спокойствием, коего добился Октавиан Август, преемник Цезаря, ставший после гражданской войны первым римским императором. Он умер, когда Иисусу исполнилось лишь восемнадцать. Однако при его преемнике, Тиберии, все так трепетали перед императорской преторианской гвардией, что повелитель позволил себе переселиться на Капри, наслаждаясь природной красотой острова и предоставив командиру преторианцев, Сеяну, охранять покой и порядок в империи. На землях, что ныне зовутся Палестиной, все тоже было мирно и спокойно. Там правил царь Ирод Великий. Более тридцати лет этот дальновидный политик, сделавшийся богатейшим человеком в империи, раболепствовал перед римскими

правителями (и осыпал их по-царски щедрыми подарками). Взамен ему позволялось властвовать древнееврейским государством. Царь Ирод был величайшим строителем своего времени, он возвел в Самарии новый порт – Кесарию, перестроил и расширил Иерусалимский храм. По его приказу построили общественные бани, акведуки и то, что мы назвали бы нынче торговыми центрами в десятке городов; он также создал кольцо мощных крепостных сооружений, среди них иерусалимскую твердыню, получившую имя Антония (в честь Марка Антония) и высившуюся неподалеку от храма и огромного Иродова дворца. Ирод сделал немало полезного для евреев, но любовью их не пользовался. По рождению он был наполовину евреем, а по воспитанию и вкусам – чистокровным эллином. Еврейские священники считали его и вовсе еретиком за то, что он устраивал и оплачивал греческие игры, театры и музыку. У царя Ирода было много жен и наложниц – среди них и женщины иной веры. Детей тоже имелось великое множество. Жестокий и чрезвычайно подозрительный, Ирод казнил и своих близких родственников, и жен и детей – в общей сложности более сорока человек; часто казнил с особой жестокостью, подозревая в заговорах, мнимых или действительных, против его власти и его собственной персоны. По мере того как это царствование катилось к закату (последний год Иродовой жизни совпал с годом рождения Иисуса), подозрительность Ирода возрастала и страх витал над иерусалимским дворцом.

Тем не менее царство Ирода процветало – и процветала Галилея, хотя изнеженные иерусалимские горожане считали ее диким, едва ли не первобытным краем. Евреи, жившие в Галилее, хорошо питались. На галилейских лугах паслись несметные стада овец, которых разводили и ради шерсти, и ради мяса. Чаще всего на картинах, изображающих жизнь Иисуса, где-то позади, в отдалении видны овцы и пастухи. Зерно, в изобилии выращиваемое на галилейских полях, было дешевым и вывозилось через Кесарию. «Хлеб насущный» едят за каждой трапезой – и хлеб тоже изображается на многих картинах, повествующих о жизни Спасителя. Повсюду росли масличные деревья; оливки – черные, зеленые и белые – служили ежедневной пищей любому из жителей Галилеи, а оливковое масло использовалось для стряпни. На столе всегда были овощи, салаты и пряности. Во время главной трапезы пили вино.

Евреи помогали друг другу, местные общины оказывали нечто вроде «социальной помощи» больным, слабым и сиротам. Помогали и нуждающимся вдовам. Были и бедные евреи, которым выделяли долю из общинных средств. Но большинство тех, кого в Библии называют «бедными» и «нищими», не были евреями. По всей Палестине проживали смешанные сообщества, где значительную часть составляли иноземцы, безземельные крестьяне и кочевники. В обязанность каждому уважающему себя еврею вменялось: помоги неимущему! – и это также часто отображается на живописных полотнах, повествующих об Иисусе.

В 4 году до н. э. Назарет был небольшим галилейским городком, где жили и работали в своих мастерских ремесленники. Одним из таких ремесленников был Иосиф, плотник, числивший себя потомком царя Давида. Свою родословную он мог изложить по памяти. Вероятно, Иосиф, как и большинство евреев, был грамотен и умел читать как на местном арамейском наречии, так и на священном иврите. Он привел в свой дом будущую невесту, юную шестнадцатилетнюю девушку, Марию. Она тоже принадлежала дому Давида и, вероятно, приходилась Иосифу родственницей. Девушка жила то ли неподалеку, то ли прямо над его мастерской. Согласно обычаю, до брака она хранила девственность. Свадьбу хотели справить в следующем году. Мария происходила из весьма почтенной семьи, умела читать и писать, готовить, прясть, шить и должна была стать достойной женой преуспевающего ремесленника. У нее была прекрасная память: много лет спустя Мария стала основным источником сведений для апостола Луки, греческого врача, в чьем Евангелии мы находим наиболее подробное описание рождения и детства Иисуса.

Все образованные евреи читали священные тексты, особенно Тору – историю еврейского народа, его духовный стержень и основную молитвенную книгу. Мария как раз читала Тору,

когда к ней явился Ангел Гавриил и, согласно словам Луки (1: 28–38), сказал: «...радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами». Столь удивительное приветствие обеспокоило Деву и привело в замешательство. Однако Гавриил сказал: «...не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога; и вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус». И добавил Ангел: «Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова вовеки, и Царству Его не будет конца».

Мы можем быть уверены, что Мария точно запомнила эти слова. Девственница также помнит, как встревоженно задала свой первый вопрос: «...как будет это, когда Я мужа не знаю?», и Ангел отвечает: «Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим».

К этой благой вести Ангел прибавил несколько слов. Твоя двоюродная сестра Елисавета, сказал он Марии, тоже в свои преклонные годы понесла сына и теперь на шестом месяце беременности. Эта неожиданная новость наконец заставила Марию окончательно поверить словам Ангела. Она покорилась своей доле, произнесла слова гордого смиренного мудрия: «...се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему».

Нет более трогательного мгновения во всей истории, чем то, в которое Гавриил открывает Деве, что Она беременна, и Дева смело принимает его известие как великую честь: неудивительно, что многие выдающиеся западные художники захотели отобразить это событие – Благовещение Пресвятой Богородицы – на своих полотнах. Мария, совсем юная девушка, была весьма решительной и смелой. Она захотела проверить новость о положении своей родственницы, Елисаветы, и тотчас отправилась в путь – одна, в нагорную страну царства Иудейского, где Елисавета жила со своим мужем, Захарией, священнослужителем.

Согласно Евангелию от Луки, следующий примечательный случай в повествовании об Иисусе произошел, когда Мария добралась до жилища своей родственницы. Увидав Марию, Елисавета почувствовала, как ее ребенок, будущий Иоанн Креститель, «взыграл во чреве ее», и тотчас Елисавета исполнилась Духа Святого, поняла, что Мария тоже беременна и носит в лоне своем Сына Божия. «...и воскликнула [Елисавета] громким голосом, и сказала: благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего! И откуда это мне, что пришла Матерь Господа моего ко мне?» (Лк. 1: 41–43).

И на это приветствие Мария отвечает самыми пронзительными строчками в Новом Завете. Она произносит слова, которые звенят стихотворным ритмом и даже положены на музыку. Позволяю себе привести их здесь именно как стихотворные строки:

...величит душа Моя Господа,
и возрадовался дух Мой о Боге,
Спасителе Моем,
что призрел Он на смирение Рабы Своей,
ибо отныне будут ублажать Меня все роды;
что сотворил Мне величие Сильный,
и свято имя Его;
и милость Его в роды родов к боящимся Его;
явил силу мышцы Своей; рассеял
надменных помышлениями сердца их;
низложил сильных с престолов
и вознес смиренных;
алчущих исполнил благ
и богатящихся отпустил ни с чем...

(Лк. 1: 46–53)

Этот великий восторженный гимн известен как Песнь Пресвятой Богородицы. Величальная песнь Богородицы поднимает дух бедным и смиренным и намечает одну из основных тем в пастырских наставлениях Иисуса. В евангельской повести не только истина, там и плод истины: красота. Мария, вынашивающая Иисуса во чреве Своем, создает стихи необычайной силы.

Лука повествует: Мария все три месяца оставалась с Елисаветой. Потом Она вернулась в Назарет и сообщила Иосифу о Своем положении. В Евангелии от Матфея (1: 19–25), во многих отношениях наиболее подробном и основанном на арамейских источниках, жених Марии, считавший Ее непорочной девой, был поражен этой новостью. Иосиф «...будучи праведен и не желая огласить Ее, хотел тайно отпустить Ее. Но когда он помыслил это, – се, Ангел Господень явился ему во сне и сказал: Иосиф, сын Давидов! не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в Ней есть от Духа Святого; родит же Сына, и наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их». Матфей говорит, что Иосиф поступил, как повелел ему Ангел Господень, и «принял жену свою». Матфей также отмечает, что Иосиф «не знал» Марию до тех пор, пока не родился Иисус. В действительности же самые древние источники настаивают на том, что Мария оставалась непорочной всю свою жизнь, а Иосиф был исключительно преданным, любящим и заботливым мужем Ей и таким же отцом Ее Сыну.

Следующий примечательный случай приключился четыре-пять месяцев спустя, когда правитель Сирии Публий Квириний получил указ императора Августа: сделать перепись населения по всей тамошней земле. Перепись требовалась, чтобы исправнее взимать подать. Жителей следовало переписывать в тех городах, где они родились. Поскольку и Мария, которая была беременна, как указано у Луки (2: 5), и Иосиф были из дома и рода Давидова, то и отправились они в Иерусалим, город, который в свое время Давид завоевал и присоединил к еврейскому царству, а оттуда в Вифлеем – небольшой, всего в одну улицу, городок, отстоявший от Иерусалима на шесть миль. Этот городок тоже был связан с именем Давида. Для Марии, выносливой и крепкой девушки, это было уже третье долгое путешествие за время беременности. Когда супруги приехали в Вифлеем, «... наступило время родить Ей; и родила Сына своего Первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице» (Лк. 2: 6–7). Спустя столетие Иустин Философ, родившийся милях в сорока от Вифлеема и хорошо знавший местность, утверждал, что ясли находились в пещере или гроте; это вполне вероятно, поскольку в известняковых горах, на которых расположен Вифлеем, довольно много пещер.

Нет никаких упоминаний ни о врачах, ни о повитухе, присутствовавших при родах. Рядом с Марией находился только Иосиф. Но помощь Ей и не понадобилась. Она сама позаботилась о Себе, и Младенец Ее был здоров, как и в течение всей земной жизни Его. Однако нельзя сказать, что Мать и Дитя никто не навещал (Лк. 2: 8–18; Мф. 2: 1–12). По словам Луки, местных пастухов, «которые содержали ночную стражу у стада своего», поразил свет, и предстал им Ангел Господень – «и убоялись страхом великим. И сказал им Ангел: не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям... ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь... Вы найдете Младенца в пеленах, лежащего в яслях». И вдруг явилось с Ангелом многочисленное Воинство Небесное, взывающее: «... слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!» Пастухи решили пойти в Вифлеем. Там, в хлеву, и нашли они Иисуса, Марию и Иосифа, как возвестил им Ангел. И пастухи рассказали об этом людям, и «все слышавшие дивились» тому, что слышали. Пастухи также сказали Марии о свете, об Ангеле и Ангельском хоре, и Она «сохраняла все слова сии, слагая в сердце Своем».

Но у Луки мы не находим рассказа о других «посетителях», о которых говорит Матфей – о «волхвах с востока». Они привезли дары: золото, ладан и смирну, «сокровища», как говорит Матфей, достойные короля. Волхвы были звездочетами, они изучали небеса и предсказы-

вали будущее согласно расположению светил. Одна звезда, как они поняли, предсказывала, что родился Царь Иудейский. Волхвы, войдя в Иерусалим, пришли ко двору Ирода и спросили, где найти Младенца. Ирод, «собрав всех первосвященников и книжников народных, спрашивал у них: где должно родиться Христу? Они же сказали ему: в Вифлееме Иудейском, ибо так написано через пророка...» Ирод «тайно» призвал волхвов и послал их в Вифлеем: «...пойдите, тщательно разведайте о Младенце и, когда найдете, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться Ему» (Мф. 2: 4–8).

История, рассказанная волхвами о том, что появился на свет Младенец, Которому суждено стать Царем Иудейским, лишь подхлестнула Ирода, всюду видевшего угрозу себе. Матфей говорит: волхвы, «получив во сне откровение не возвращаться к Ироду, иным путем отошли в страну свою» (Мф. 2: 12). Иосифу также было откровение во сне, что ему самому, Марии и Младенцу следует опасаться Ирода. И сказано было Иосифу: «...встань, возьми Младенца и Матерь Его, и беги в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе, ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его» (2: 13). Иосиф сделал, как ему было сказано. «Бегство в Египет» стало еще одним памятным эпизодом, который долгие столетия вдохновлял художников – так, он стал сюжетом для работы Караваджо, хранящейся в галерее Дориа-Памфили в Риме. Святое семейство изображено отдыхающим. Иосиф держит ноты, Ангел же играет колыбельную, пока Мария и Младенец спят.

Ирод всерьез опасался, что новорожденный Царь Иудейский отнимет его царство, и пошел на самое чудовищное преступление за всю свою долгую жизнь. Он «послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже...» (Мф. 2: 16). Это стало его последним злодеянием. Уже через несколько недель Ирод умер, а земли его разделили сыновья. Иудея досталась Архелаяу. Узнав об этом, Иосиф вместе с семьей возвратился из Египта, но старался держаться подальше от земли Иудейской, опасаясь, что Архелай унаследует популярность своего отца. Поэтому Иосиф направился в расположенный в «пределах Галилейских» город Назарет, добираясь туда объездными путями, через Газу и Самарию.

История рождения Иисуса, посещение пастухов и волхвов – все это идиллическая сторона Рождества Христова, придающая младенчеству Иисуса некую сказочность, привлекающую и старого и малого вот уже более двух тысяч лет. Но жуткое злодеяние, вошедшее в историю как избивание младенцев, напоминает нам о темной стороне жизни на окраине Римской империи в I веке Христовой эры. Необузданные и отвратительные в своей свирепости правители, беззаконие, ничем не сдерживаемый произвол власть имущих, неуважение к жизни любого человека, даже самого беззащитного, – такова была действительность. Эту человеческую греховность предстояло исправлять Иисусу, против нее Он боролся, и в итоге именно она погубила Иисуса. Избивание младенцев стало своеобразным предвестником распятия Спасителя.

Немногие могли предвидеть подобный исход. Об этом говорится в Евангелии от Луки (1: 13–23, 59–65). Лука пишет: Захария, муж Елисаветы, усомнился, услышав от Ангела Гавриила, что его престарелая супруга беременна и ей предстоит родить Иоанна Крестителя. В наказание за неверие его поразила немота. Родился ребенок, и, когда проходил обряд обрезания, Елисавета не пожелала назвать его в честь отца и настаивала на том, чтобы наречь сына Иоанном. Ее соседи и родственники воспротивились: «...никого нет в родстве твоём, кто назывался бы сим именем. И спрашивали знаками у отца его, как бы он хотел назвать его». К их изумлению, Захария «потребовал дощечку и написал: Иоанн имя ему. И все удивились». Более того, «разрешились уста его и язык его, и он стал говорить, благословлять Бога». Но, как и в других случаях в истории жизни Христа, эта счастливая история меркнет в сравнении с мрачными событиями вокруг нее. Весть о необычайном рождении быстро распространилась по земле Иудейской и достигла ушей мнительного Ирода. Согласно рассказам отцов Церкви – таких,

например, как Ориген, – Захария был убит по приказу Ирода «между храмом и жертвенником». Поэтому теперь его почитают как одного из первых великомучеников.

Был еще один старый священник по имени Симеон, который служил в храме. Лука говорит, что он был «муж праведный и благочестивый», твердо веривший в пришествие Мессии. И действительно, было ему откровение, «что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа Господня» (2: 25–26). Когда Мария и Иосиф пришли в храм, чтобы провести обряд очищения Марии после родов и обряд обрезания Иисусу – по иудейскому закону, – старик взял дитя на руки, благословил Бога стихами, которые дошли до наших дней:

Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко,
по слову Твоему, с миром,
ибо видели очи мои спасение Твое,
которое Ты уготовал пред лицом всех народов,
свет к просвещению язычников
и славу народа Твоего Израиля.

(Лк. 2: 29–32)

Но, продолжает Лука (2: 34–40), обращаясь к Марии, старик также сказал, и грозное его пророчество звучало вразнобой с радостью первых дней жизни Христа: «...се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий, – и тебе Самой оружие пройдет душу, – да откроются помышления многих сердец». Ему вторила и пожилая женщина по имени Анна – Лука зовет ее пророчицей и описывает как «вдову лет восьмидесяти четырех, которая не отходила от храма, постом и молитвою служа Богу день и ночь». Она тоже признала в ребенке Искупителя. Предсказания и предупреждения Анны и Симеона Мария также хранила в сердце Своем. Она отметила, растолковывая предсказания, что Дитя Ее будет «светом к просвещению язычников» – да и для всех людей без исключения, – а не только для иудеев, и что его жертва пронзит ее душу, словно мечом. Пока «Младенец возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости», Она, должно быть, бесконечными часами размышляла о Его судьбе и о том, какую чудовищную боль сулит Ей грядущее вместо нынешней радости.

Богородица рассказала Луке об одном удивительном случае (Лк. 2: 42–51), который, с одной стороны, укрепил Ее упования на Сына, однако с другой – озадачил Ее. Марию, Иосифа и Иисуса в христианских молитвах называют Святым семейством. Их дом в Назарете отличался благочестием и набожностью. Они много молились, чтили все еврейские праздники и соблюдали обычаи. Каждый год на праздник Пасхи они отправлялись в Иерусалим: принести жертву во храме. Это – косвенное свидетельство тому, что Иосифу сопутствовала удача в его ремесле, и семья жила в относительном достатке, поскольку длительное и дорогостоящее путешествие означало: Иосиф мог позволить себе праздность на протяжении нескольких недель. В ежегодном паломничестве они встречали многих «родственников и знакомых». Когда Иисусу исполнилось двенадцать, родители посчитали, что Он достаточно вырос и может гулять в одиночестве. Храм, в значительной мере перестроенный по приказу Ирода, представлял собой огромный лабиринт из двориков, залов и коридоров. А сам Иерусалим был городом дворцов, крепостей, теснившихся друг к другу строений. Когда подошло время отправляться в обратный путь, «остался Отрок Иисус в Иерусалиме; и не заметили того Иосиф и Матерь Его». Они решили, что мальчик едет с друзьями в длинной веренице мулов и ослов. Пройдя же дневной путь, родители забеспокоились и поняли, что Сын остался в святом городе, полном опасностей.

Лука пишет, что после трех дней отчаянных поисков они «нашли Его в храме, сидящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их; и все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его». В этих словах, несомненно, чувствуется любовь и гордость Матери. Но следующий разговор Она вспоминает как неожиданный. Мать обращается к Сыну и упрекает Его в

опроектированности: «Чад! что Ты сделал с нами? Вот, отец Твой и Я с великою скорбью искали Тебя. Он сказал им: зачем было вам искать Меня? или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему? Но они не поняли сказанных Им слов», – продолжает Лука. Удивительно, что эти первые записанные со всей точностью слова Иисуса выражают весь смысл Его служения – и всей Его жизни: Он должен быть в том, что принадлежит Отцу Его. И хотя Мария по доброте душевной зовет Иосифа отцом мальчика, Иисус уже знает и верит, что Его Отец – Господь, и говорит об этом не таясь.

Мария, добавляет Лука, «сохранила все слова сии в сердце Своем». Но именно на этой истории все рассказы Марии, относящиеся к зачатию, рождению и детству Иисуса, внезапно обрываются. Иисус возвратился в Назарет вместе с Иосифом и Марией, «и был в повиновении у них». Потом Лука опускает последующие восемнадцать лет жизни Иисуса и переходит к описанию того дня, когда Иисус принял крещение Иоанна Крестителя. Другие евангелисты также хранят молчание. Печально, что нам начисто неизвестно, как прожил Иисус половину жизни – мы не знаем ни что Он делал, ни куда ездил, ни как жил.

Но можем быть уверены, что Он был хорошо образован. Если позволяли обстоятельства, все способные к учению еврейские дети получали хорошее образование. А семья Иисуса жила в разумном достатке. Мы знаем, что Он умел читать, ибо Его глубокие познания в Священном Писании и, что особенно важно, способность уверенно толковать прочитанное, свидетельствуют о постоянном изучении текстов с самого раннего детства. К двенадцати годам Он мог вести ученые споры о говорящемся в священных книгах. Мы знаем: Он умел и писать, хотя в Библии приводится всего один случай, когда Он пишет. Он остановил толпу добродетельных и жестоких лицемеров, не дал им до смерти побить камнями женщину, обвиненную в супружеской измене, а для этого начертал на земле перечень их собственных грехов. Одно то, что написанное Им тотчас было прочитано и понято, свидетельствует: у Него был необычайно четкий и понятный почерк – вероятно, почти такой же, как у писца-каллиграфа. Однако ни единой записи, сделанной рукой Иисуса, не сохранилось. Не сохранилось и упоминаний о том, что еще Он читал, помимо Священного Писания.

Но из Его слов, дошедших до нас, мы достоверно знаем: Он был начитанным, образованным человеком, тщательно подбиравшим слова – учтивые, точные, тщательно взвешенные – несомненный признак человека, хорошо знакомого не только со священными, но и со светскими книгами. Думаю, владел Он и греческим, и латынью – помимо родного арамейского и иврита, на коем говорил и читал всякий образованный правоверный еврей. Поэтические обороты в Его речи, как и в речи Его Матери, свидетельствуют, как я полагаю, о том, что Он изучал поэзию и многие произведения знал наизусть. Подозреваю, что среди этой поэзии были не только тексты на иврите, как, например, книга Иова, где много поэтических отрывков, не только религиозные песни и гимны, которые именуются псалмами. Знал Он и произведения греческих поэтов, известные в то время. Я верю: Иисус мог цитировать отрывки из Гомера и Еврипида, возможно, и Вергилия. Но это лишь мое предположение.

Надо полагать, Иисус был во многом самоучкой. Его речи и мысли не искажены сухой школьной ученостью, не отзываются влиянием какой-либо философии. Он отвергает всякий догматизм, равно как и ненавидит фарисейство в нравоучениях. Его воображение не было выхолощено в стенах классной комнаты или чего-то вроде современного нам лекционного зала. Будучи самоучкой, Он никогда не посещал таких мест, и посему некоторые критики называют Его необразованным. Так, Иоанн рассказывает, что иудеи были поражены, когда Он проповедовал в храме, и удивлялись, «как Он знает Писания, не учившись?» (7: 15). Мы можем лишь гадать, где юный Иисус находил книги. Но рукописи не были редкостью в еврейских домах – даже в захолустном городке Назарете.

С гораздо большей уверенностью можно предполагать, что Иисус обладал глубокими познаниями в ремеслах и сельском хозяйстве. Это становится ясно из того, что Он уверенно

– с полнейшим знанием дела, – говорил об этих занятиях: примеры сыщутся и в изречениях, и в притчах. Знания Иисусовы были обширны и разнообразны, вот почему люди так охотно слушали Его: в Его речах они часто с удовольствием слышали отзывы о своем ремесле. Подозреваю: в подобных случаях Спаситель отнюдь не понаслышке ведал о том, о чем вел речь. После смерти Иосифа – а Иосиф умер именно в те годы жизни Иисуса, о которых ничего не известно, – Мария переезжала жить то к одному, то к другому родственнику своего большого семейства. Одной из таких родственниц была Ее сестра со взрослыми сыновьями, которых часто называют братьями Иисуса.

Вполне естественно, что в это время Иисус, очевидно решивший не становиться плотником, как Иосиф, мог отправиться в странствия, дабы лучше познать окружающий мир и в положенный срок достойно продолжить «дело Отца Своего». Невозможно установить, что делал Он в эти годы. Некоторые предполагают, будто Спаситель примкнул к ессеям; однако и слова и дела Его коренным образом отличаются от того, что повествуют нам об этой секте свитки Мертвого моря, и подобное предположение можно исключить. Столь же маловероятно и то, что Он мог принадлежать к любой другой религиозной секте, коих в тот период было великое множество. Иисусу был чужд всякий фанатизм. На Нем не было отпечатка, обычно лежащего на священнослужителя, монаха или отшельника. Он был сдержан, не выносил показной набожности и фанатичного соблюдения обычаев. Иисус был прост и приятен в общении с мужчинами и женщинами разных сословий и нравов и уединялся только для молитвы. Он был человеком общительным, всегда искал новых друзей и спутников.

Все это говорит о богатом и разностороннем житейском опыте. Думаю, Иисус мог намеренно менять род и вид занятий, дабы лучше узнать не просто некое ремесло, но и природу человеческую. Именно по этой причине Иисус мог откладывать начало Своего служения до тех пор, пока ему не исполнилось тридцать. Он почти наверняка занимался земледелием, о котором многое знал. Думаю, некоторое время был и пастухом. Овцы и уход за ними то и дело упоминаются в Его речах. Образ «добротного пастыря» – один из главных в Его проповедях, и полагаю, овец Он любил всей душой. Можно подумать, будто сельчане-пастухи, собравшиеся у яслей, где лежал Младенец Иисус, посвятили Его в пожизненные почетные пастыри. Пастушьим опытом возможно объяснить и стремление восходить в особо важные минуты на какой-нибудь высокий холм, и привычку чередовать общительность с молитвенным уединением.

Вот и все, что нам известно о рождении и детстве Иисуса, и все, о чем возможно гадать касаясь Его жизни меж двенадцатью и тридцатью годами от роду. А после этого Спаситель начал проповедовать свое учение – именно тут Евангелия и проливают яркий свет уже на все речи и поступки Его.

Глава 2

Крещение, искушение и апостолы

Земля, в которой начал проповедовать Иисус, была процветающим, но малолюдным и далеко не спокойным краем. Она наполнилась слухами о грядущих чудесах. Народ там часто восставал, вспыхивая, как сухой трут, и управлять этими землями было весьма непросто. Поэтому римские наместники, их ставленники – местные правители и высшее духовенство – все те, кого римляне наделили известной властью, больше всего заботились о мире и спокойствии в стране. Они особенно опасались еврейских пророков: некоторые из них сплошь и рядом приводили тамошнюю чернь в неистовство. Евреев было три миллиона – из них около миллиона в землях Галилейских. Примерно десятая часть населения Римской империи в той или иной степени испытывала влияние иудаизма. Иудейское единобожие с его незыблемым вероучением и до мелочей расписанными правилами нравственности и поведения повсеместно привлекало к себе людей хорошо воспитанных и серьезных. С иудаизмом была лишь одна беда: очень древняя – уже тогда тысячелетняя – религия породила законы, вероятно вполне пригодные для нужд первобытного кочевого народа, скитавшегося в пустыне, однако довольно бессмысленные с точки зрения общества, сделавшегося в I веке от Р. Х. более утонченным, занявшегося торговлей и постепенно оседавшего в городах. Для него эти законы стали неподъемным ежедневным бременем. Религия, не претерпевавшая никаких коренных изменений, насаждалась и священнослужителями и книжниками, составлявшими своего рода касты избранных. Должности в подобных кастах зачастую были наследственными, а любым переменам «избранные» сопротивлялись яростно. Кроме того, и священнослужители и книжники бесстыдно вступали в сговор с римскими правителями, дабы легче обуздывать людей, стремившихся к переменам, и предотвращать народные волнения.

Таким образом, во времена Иисуса иудаизм созрел для преобразований, как впоследствии, в свой черед, созрело в начале XVI века и христианство. Вопрос был лишь в том, следует ли восстанавливать иудейское царство, каким оно существовало при Давиде и Маккавеях, жестокими «светскими» способами? За это ратовали некоторые фанатичные секты, такие как ессеи и зилоты. В конечном счете, спустя несколько лет после смерти Иисуса, они взяли верх в обществе, что привело к Великому восстанию и разрушению Иерусалима. Но можно было совершить некий духовный переворот и заменить незыблемые законы Моисеевы Новым Заветом, основанным на любви к ближнему – уж его-то с охотой принял бы всякий общественный слой и всякий народ.

Именно к этой последней мысли склонялся двоюродный брат Иисуса, Иоанн, сын Елисаветы. Еще в юности ему было видение, и он знал, что ему уготована особая стезя. Дабы подготовить себя к выполнению своей миссии, он много лет прожил в пустыне, «носил одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих и ел акриды и дикий мед» (Мк. 1: 6). Все четыре евангелиста много говорили об Иоанне, признавали важную роль, которую тот играл в жизни Иисуса, и соответственно уделяли большое внимание Иоанновой миссии. Вполне вероятно, что все четверо пользовались одним и тем же источником – оставленным либо самим Иоанном, либо кем-то из его учеников и последователей (Мк. 1: 2–9; Мф. 3: 1–15; Лк. 3: 2–22; Ин. 1: 6–34). Иоанн по природе своей был человеком смиренным. Он знал, что не является мессией, который, как предсказывали пророки, придет как спаситель и искупитель. Иоанн многократно повторял слова Исаяи: «Я глас вопиющего в пустыне: исправьте путь Господу». Он знал, что придет Спаситель: «идет за мною Сильнейший меня, у Которого я недостоин, наклонившись, развязать ремень обуви Его».

Иоанн проповедовал: для того чтобы подготовиться к приходу Спасителя и наступлению Нового Порядка, все должны прийти к нему на берег реки Иордан и омыться в водах ее. Это крещение, как назвал его Иоанн, необходимо для того, чтобы очистить себя от грехов и прежних дурных привычек, стать новым человеком. Но сам Иоанн признавал: очищение тут скорее символическое, чем истинное; требуется Божественная власть Самого Спасителя, чтобы вызвать внутреннее, духовное, перерождение человека. Иоанн всегда настаивал на этом и никогда не притязал на славу чудотворца. Тем не менее люди шли к нему толпами, а под конец он привлек и внимание власть имущих. Согласно Евангелию (Ин. 1: 19–27), «Иудеи прислали из Иерусалима священников и левитов спросить его: кто ты? Он объявил, и не отрекся, и объявил, что я не Христос. ...я крещу в воде; но стоит среди вас *Некто*, Которого вы не знаете». Потом Иоанн смиренно добавляет: «Я недостойн развязать ремень у обуви Его».

Схожесть описания Иоанновых деяний в разных Евангелиях и повторение слов Крестителя говорит о том, что мы имеем дело с рассказами очевидца – возможно, и не одного. В Евангелии от Иоанна далее повествуется: «На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: вот Агнец Божий, Который берет *на Себя* грех мира» (1: 29). Со слов очевидцев Матфей (3: 14–17) записал, что Иоанн сказал Иисусу: «...мне надобно креститься от Тебя, и Ты приходишь ко мне? Но Иисус сказал ему в ответ: оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду». Тогда Иоанн крестил Иисуса, и, когда Тот вышел из воды, «се, отверзлись Ему небеса, и увидел *Иоанн* Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспущался на Него. И се, глас с небес глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение». Впрямь ли ниспущался голубь или мы имеем дело с поэтическим образом, трудно сказать; а только все четверо евангелистов согласны в главном: крещение Иисуса стало событием необычайным, явление Божье было видимо и слышимо; и было при нем великое множество мужчин и женщин.

Возникает вопрос: зачем было нужно Иисусу крещение? Разве не был Сын Божий во всех отношениях уже полностью готов к Своей миссии? Так, несомненно, полагал и сам Иоанн. Но Иисус был тверд: Ему надлежит пройти этот обряд обновления. Он тем самым подчеркивает всеобщую необходимость таинства – каждый человек должен смыть пятна прошлых грехов, очиститься и обновиться. Это событие стало и действительным, и символическим началом новозаветной Иисусовой миссии, кульминацией которой стало Святое причастие хлебом и вином – приобщение Тела и Крови Господней – на Тайной вечере, непосредственно перед Его телесной жертвой, распятием.

Крещение Иисуса стало кульминацией миссии самого Иоанна Крестителя. В третьей главе Лука подробно излагает Иоаннову проповедь, «крещение покаяния и отпущение грехов». Прозвучала эта проповедь резко и гневно, предвещая наиболее горячие предостережения Иисуса. Когда Иоанн увидел среди пришедших креститься фарисеев и саддукеев, он воскликнул: «...порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева?» (Мф. 3: 7). Он изрек: Христос придет, и «лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу Свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым» (Мф. 3: 12). Такие речи, безусловно, казались весьма опасными, об Иоанне скоро донесли религиозным властям. Именно за эти проповеди Ирод Антипа – правитель Галилеи, римский ставленник, приказал схватить и заточить Иоанна, который, кроме всего прочего, порицал самого Ирода за то, что тот вступил в кровосмесительный брак с женой своего брата, Иродиадой. Но сама Иродиада была истинной внучкой Ирода Великого. Как только Иоанна бросили в темницу Антипы, она тотчас подготовила свою дочь, Саломею, сплясать на пиру перед Иродом. Восхищенный сладострастным танцем падчерицы, Антипа опрометчиво пообещал выполнить любое ее желание. Наученная матерью, девушка потребовала отдать ей голову Крестителя. Отчим нехотя согласился выполнить обещание. Весть об этом кровавом злодеянии привела в ужас всех благочестивых иудеев, слышавших Иоанновы проповеди. А для Иисуса смерть Иоанна стала еще одним напомина-

нием, таким же, как избивание младенцев и убийство Захарии, о том, сколь опасна миссия, возложенная на Него Отцом Небесным. Она вновь показала, сколь жесток бывает мир, где всегда находятся люди, в любую минуту готовые уничтожить тех, кто хочет служить Господу, и даже тех, кто служит Ему как бы случайно. Смерть Крестителя словно предвляла собственную смерть Спасителя на кресте.

Тотчас после крещения Иисус отправился в пустыню, чтобы подготовиться к Своему служению. Три евангелиста упоминают об этом, утверждая, что Он отправился туда согласно велению Духа Святого (Мк. 1: 12–13; Мф. 4: 1–11; Лк. 4: 1–12). Марк повествует об этом событии довольно скупно, но Матфей и Лука описывают пребывание Христа в пустыне весьма подробно. Он отправился в пустыню – необитаемую местность к востоку от реки Иордан, – чтобы молиться. Иисус был Человеком общительным, как мы могли убедиться, читая предыдущие главы Евангелий, и общительность Его была свойством чисто человеческим. Но Иисус часто обращался с молитвой к Своему Отцу Небесному – в этом сказывалась Его Божественная природа, и молиться Он предпочитал в одиночестве. Он не стоял во время молитв, как было принято у иудеев, но преклонял колени – в этом сказывалась Его покорность воле Отца. Молиться для Иисуса значило уединяться, отстраняться от людей; в этом тоже сказывалась Божественность, о ней же говорил и выбор места для молитвы – им всегда была какая-нибудь пустынная возвышенность. Иисус предпочитал уединяться на холме или на горе – вспомним Преображение Господне (мы побеседуем об этом далее); уединялся Он и на Елеонской горе в Гефсиманском саду, незадолго до Страстей Господних, и на высокой горе, где Спаситель вознес последнюю Свою земную молитву, прежде чем вознестся на Небеса.

В пустыне Иисус тоже взошел на гору, дабы молиться в одиночестве. Там Он постился сорок дней. Мы не знаем, насколько строгим было Его воздержание в еде и воде. Но Матфей и Лука настаивают на том, что Он весьма ослаб от голода. И вот, когда плоть Иисусова ослабела, сатана попытался искушать Его – и явился к Нему не в мыслях, а наяву. Это далеко не единственный случай, когда Иисус признает, что подвергнулся искушению. Случилось это и в Гефсиманском саду. Устрашась страданий, что предстоит ему пройти, Иисус воззвал к Отцу Небесному, чтобы Он облегчил те страдания, но после покорился воле Отца. Однако в пустыне он сразился с дьяволом не только мысленно: сатана предстал Ему зримо, говорил вслух и являл устрашающую мощь. Если Иисус в подробностях описывает ученикам Свою борьбу с дьяволом, то затем, что хочет пояснить им: зло бывает не только объективным и вещественным, но также субъективным и неосязаемым. Дьявол действительно существует, его следует побеждать силой воли и чистотой помыслов, четко различая, где зло, а где добро. Иисус превратил собственное искушение в назидательный пример для каждого человека.

Дьявол искушал Иисуса использовать его божественную силу в низменных корыстных целях: сначала повелеть камню сделаться хлебом; а потом спасти Свою жизнь от смертельной опасности; под конец дьявол предложил Ему сделаться властелином целого мира. Последнее искушение (тут я опираюсь на повествование Матфея) было самым страшным из-за своего всеобъемлющего свойства. Искушение властью может возникнуть не только перед таким Человеком, как Иисус, наделенным божественной силой, но и перед любым обычным человеком, который благодаря своему уму или другим качествам может получить власть, которая – пускай даже лишь на первый взгляд – кажется божественной. Иисус сказал тому апостолу, который передал эти слова Матфею, что при третьем искушении «...берет Его дьявол на весьма высокую гору, и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если, пав, поклонись мне» (Мф. 4: 8–9).

«Высокая гора» – очень важный образ, который всегда появляется в повествовании, когда Иисус должен осознать некую особую истину, как важно и то, что слово «царства» употреблено во множественном числе. Искушение касается не просто государств и империй, но знаний: царств разума и науки – дозволяющих познать Вселенную посредством физики и мате-

матики, анатомию человека – посредством биологии и изучения структуры хромосом; человечество совершает прорыв к пониманию всех особенностей и секретов Вселенной. Это, пожалуй, самое коварное из искушений: человек может получить огромную низменную выгоду от своего разума, если предпочтет материальный успех и отвергнет духовный мир; если почитит знания превыше добродетели, а власть созданий Божьих выше власти Самого Создателя.

Сказал Иисус: один лишь и был возможный ответ на это последнее искушение: «...отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» (Мф. 4: 10). Гордыня в знании, гордыня в человеческой способности к постижению – да еще, если, впадая в этот грех, забывают Бога – просто новая разновидность идолопоклонничества. И сатана отступил, оставил Иисуса в покое, «и се, Ангелы приступили и служили Ему» (Мф. 4: 11).

Спаситель вернулся из пустыни чистым, незапятнанным, а как Человек умудрился опытом. Теперь Он готов был начать служение. Каким же Человеком был Иисус? Нам об этом не говорят. Его предшественника, Крестителя, описывают весьма подробно. Но ни в одном из четырех Евангелий нет ни слова о том, как выглядел Иисус. Нет Его описания ни в одном из канонических посланий, ни в одном письменном источнике, восходящем к I веку от Р. Х. Первые примеры иконографии появились только в середине II столетия, к тому времени уже не осталось в живых ни одного из современников Спасителя, способных хотя бы словесно описать Его внешность. Попытки изобразить Христа были скорее типологическими, а не действительными портретами. Иисуса изображали в то время прекрасным безбородым юношей. Существует 104 подобных изображения Христа в катакомбах, 97 на саркофагах, 14 в мозаике, 45 на золотом стекле, 50 в других артефактах и 3 в манускриптах. Впоследствии Его стали изображать уже взрослым мужчиной, с бородой, но по-прежнему с идеальными чертами. Именно такой образ Христа и закрепился позднее в изобразительной традиции западных художников и скульпторов. А самые ранние изображения Иисуса в образе бородатого мужчины появились через несколько столетий после смерти Спасителя. Словом, не существует никаких надежных свидетельств того, как выглядел Иисус на самом деле.

И вместе с тем известны некоторые черты его личности, которые поражали видевших Его и нашли свое отображение в евангельских текстах. Иисус был чрезвычайно наблюдательным, внимательным Человеком. Стоит заметить, сколько раз в тексте Священного Писания упоминаются слова «смотрел», «взглянул», «возвел очи», «воззрел». Его привычка внимательно наблюдать то и дело подчеркивается в текстах: «Но Он смотрел вокруг, чтобы видеть ту, которая сделала это» (Мк. 5: 32), «Он же, обратившись и взглянув на учеников Своих...» (Мк. 8: 33), «И Он, возведя очи Свои на учеников Своих, говорил: Блаженны нищие духом...» (Лк. 6: 20), «Господь, обратившись, взглянул на Петра» (Лк. 22: 61), «И, воззрев на них с гневом, скорбя об ожесточении сердец их...» (Мк. 3: 5). Иисус был внимателен к мелким подробностям, ничего не упускал из виду. Он обладал пронзительным взглядом, особенно запомнившимся всем, кто Его встречал. Первое, что поражало всякого, – это Его всё видящие, всё замечающие глаза.

Взгляд Спасителя говорил о Его решительности. Он изумлял окружающих. Иисус появлялся и говорил не как толкователь Священного Писания, а как первоисточник истины. Матфей так говорит об этой черте Иисуса: «...ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи» (7: 29). Сказалась эта власть в самом начале служения Господня. Таковую власть не приобретают, она врожденна – и, в свете последующих событий, скажем: божественна. Будучи Богом, Иисус не искал истины в текстах и комментариях: Он Сам был воплощением истины. Кроме того, совершенно очевидно, что, поскольку Он был одновременно и Человеком, прирожденная властность Иисусова поражала окружающих с самого первого дня Его служения и порождала в них уважение безграничное. Иисус был Человеком; это было необходимо по четырем причинам: во-первых, чтобы испытать веру людей. Во-вторых, чтобы общаться с людьми на равных. В-третьих, чтобы испытать страдания. И в-четвертых, чтобы служить при-

мером на все времена – «путь Иисуса» Он мог пройти, только будучи Человеком. А поскольку Иисус был Человеком, ему требовались помощники, ученики, апостолы.

В самом начале Своего служения Иисус отбирает Себе учеников. Отбор этот все евангелисты описывают по-разному (Мф. 4: 18; Мк. 1: 16; Лк. 5: 3; Ин. 1: 38). Лука говорит: после возвращения из пустыни Иисус стал проповедовать. Он странствовал в одиночестве по Своей родине, Галилее. Тогда на земле Галилейской насчитывалось более ста небольших городков и деревень. «И пришел в Назарет, где был воспитан, и вошел, по обыкновению Своему, в день субботний в синагогу, и встал читать. Ему подали книгу пророка Исайи, и Он, раскрыв книгу, нашел место, где было написано: Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу...» (Лк. 4: 16–18). Потом Он закрыл книгу, отдал ее служителю и сел. «И глаза всех в синагоге были устремлены на Него». Он начал говорить, и все «дивились словам благодати, исходившим из уст Его, и говорили: не Иосифов ли это сын?» (Лк. 4: 20–22). Но далее Иисус был намерен говорить им то, чего они не желали слушать. Он вспомнил пословицу: «Врач! Исцели себя сам», а потом заметил: «...не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем» (Мф. 13: 57; ср. Мк. 6: 4). Он стал критиковать Илию и Елисея и напомнил собравшимся о том, что пророки эти были отнюдь не всемогущи. Слушавшие Его возмутились. «Услышав это, все в синагоге исполнились ярости и, встав, выгнали Его вон из города, и повели на вершину горы, на которой город их был построен, чтобы свергнуть Его». Иисусу пришлось воспользоваться Своими сверхъестественными возможностями: «Но Он, пройдя посреди них, удалился».

Иисус пошел в город Капернаум, на море Галилейском, именно там Он и выбрал Себе первых последователей, крепких рыбаков, сильных и выносливых, которые могли защитить Его, когда Его слова вызывали гнев правоверных спесивцев. Как говорится в пятой главе Евангелия от Луки, Он учил людей из рыбацкой лодки Симона Петра, стоявшей недалеко от берега, пока сам Симон стирал свои сети, после того как целую ночь забрасывал их в воду понапрасну. Чтобы отблагодарить Симона, Иисус сотворил малое чудо. Он сказал: «отплыви на глубину и закиньте сети свои для лова». Несмотря на то что рыбаки трудились всю ночь, но ничего не поймали в этом месте, Симон сделал, как ему велел Наставник, и «они поймали великое множество рыбы, и даже сеть у них прорывалась». Рыбари позвали своих товарищей, Иакова и Иоанна, сыновей Зеведеевых, и вместе наполнили обе лодки так, что те начали тонуть. Симон припал к коленям Иисуса и сказал: «выйди от меня, Господи! Потому что я человек грешный». Иисус ответил: «не бойся; отныне будешь ловить человеков». «И, вытащив обе лодки на берег, они оставили все и последовали за Ним», – продолжает Лука (5: 4–11).

Иоанн рассказывает об этом случае по-иному – там, где речь идет об Андрее, брате Симона. Андрей и еще один человек названы учениками Крестителя. Услышав, как Иоанн Креститель сказал об Иисусе «вот Агнец Божий», они последовали за Иисусом. «Они сказали Ему: Равви², – что значит: учитель, – где живешь?» «Пойдите и увидите», – ответил им Иисус. Они пошли с Ним «и пробыли у Него день тот», а потом Андрей встретил брата своего, Симона, и сказал: «Мы нашли Мессию, что значит: Христос» (Ин. 1: 38–41). Именно тогда Симон познакомился с Иисусом, и тот нарек его Петром, что означало «камень». Матфей излагает эту же историю несколько иначе. Иисус сказал Симону и Андрею: «...идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков» (Мф. 4: 19; ср. Мк. 1: 17). Марк использует ту же фразу и рассказывает, что в сопровождении четырех крепких рыбаков Иисус отправился в Капернаум и стал там учить в синагоге, «во дни субботние». То, что Андрей был учеником Крестителя, позволяет предположить: небольшое сообщество рыбаков, работавших вместе, уже стояло на пороге религиозного обновления и возрождения. Все же Андрей не постоянно находился при Иоанне, Иисус же настаивал, чтобы ученики находились при Нем неотлучно, и ученики пови-

новались. Сыновья Зеведея, как повествует Марк, «оставили отца своего Зеведея в лодке с работниками» (1: 20).

Иисус был непреклонен в том, что люди, которых Он призвал, должны ставить свое служение превыше всего прочего. В поразительном отрывке в Евангелии от Матфея Он признает: служение сие означает разлуку с семьей: «И враги человеку – домашние его» (10: 36). «Ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее» (10: 35). И хотя Он призвал к служению только мужчин, то обстоятельство, что Он упоминает женщин, показывает: Он призывал к служению и женщин и ожидал, что те будут нести службу с таким же рвением – что они и делали. В этом сложном, суровом отрывке Иисус подчеркивает: служение берет человека безраздельно. Это служение связано с мучительным выбором. «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, недостоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, недостоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот недостоин Меня» (10: 37–38).

Эти слова суровы и наполнены глубоким смыслом. Иисус уже чуть не погиб от рук разъяренных фанатиков. Он не сомневается в опасности Своего собственного служения, начало коего совпало с заточением Иоанна Крестителя – а возможно, было им ускорено. Вполне вероятно, что Андрей был не единственным последователем Крестителя среди апостолов, и, несомненно, вскоре многие пополнили ряды учеников Иисуса. Но Иисус широко раскинул Свою сеть, и, хотя большинство апостолов вышли из рыбаков, Он преднамеренно выбирал людей разных занятий и ремесел, включая тех, кого проклинали ортодоксы: например, сборщиков податей – мытарей, как их называли. К северу от Галилейского моря лежал путь из Дамаска в Акко на Средиземном море. На границе между владениями четвертовластника Филиппа и Ирода Антипы, правившего тем краем, где странствовал с проповедями Иисус, стояли мытари, взимавшие подати за провозимые по дороге товары. Иисус проходил по этой дороге и увидел человека, сидящего за сбором пошлин, по имени Матфей. Иисус сказал ему: «Следуй за Мной» (Мф. 9: 9). И сказав, пристально смотрел на Матфея. Этот случай запечатлен на великолепном полотне Караваджо, ныне выставленном в римской часовне Контарелли. Матфей тотчас повиновался Учителю.

Не все люди, которых звал за собой Иисус, ответили на Его призыв. Одна из самых печальных историй описана в Евангелии от Марка (10: 17–22). Однажды на иудейском побережье к Иисусу подбежал некий человек и опустился перед Учителем на колени. «...что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» – спросил он. Иисус перечислил ему все заповеди. «Все это сохранил я от юности моей», – отвечивал человек. Иисус взглянул на него, полюбил его за искреннюю веру и призвал последовать за Собой: «...пойди, все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, последуй за Мною, взяв крест». Но этот человек, решив, что Иисус просит слишком многого, «смутившись от сего слова, отошел с печалью, потому что у него было большое имение».

Двенадцать апостолов собрались и следовали за Иисусом еще в самом начале Его служения, и трое из евангелистов перечисляют их имена (Лк. 6: 13–16; Мф. 10: 2–4; Мк. 3: 14–19). Так, Лука называет Симона Петра и его брата Андрея; Иакова, Иоанна, которых Иисус назвал «сынами громовыми» за их неудержимое рвение; осторожного Филиппа и Варфоломея (которого Иоанн зовет Нафанаилом); Матфея и Фому (позже прозванного Фомой неверующим), Иакова, сына Алфеева, и Симона, прозываемого Зилотом, Иуду, брата Иаковлева, и Иуду Искариота. В списках, приводимых Евангелиями от Матфея и Марка, Симона Зилота называют Кананитом и вместо первого Иуды называют Фаддея. Но Фаддей и Иуда могут быть одним и тем же человеком: в Палестине I столетия у человека могло быть несколько имен, часто одно из них бывало греческим (как Андрей или Филипп), другое – арамейским, а некоторых, как Нафанаила, называли в честь отца. Учитывая этот факт, совпадение названных имен уче-

ников обращает на себя внимание. По-моему, все ранние христиане знали имена апостолов наизусть – и называли их именно в том порядке, в каком они приводятся в Евангелии.

Эти двенадцать были людьми необычными. У них было особое предназначение, и дана была им сила исполнять его. Марк говорит, что Иисус, по обыкновению Своему, поднялся на гору, призвал их и «рукоположил» на священнослужение. С этого и берет исток традиционная церемония «передачи апостольской благодати» (при рукоположении епископов), как она называется до наших дней, вот уже на протяжении двух тысячелетий: «Потом взошел на гору и позвал к Себе, кого Сам хотел; и пришли к Нему. И поставил *из них* двенадцать, чтобы с Ним были и чтобы посылать их на проповедь...» (Мк. 3: 13–14).

Таким образом, Иисус был готов приступить к служению. Какова же была цель этого служения? Для кого предназначалось Его учение? И в чем оно состояло?

Глава 3

Опасность чудес

Когда Иисус призывал к себе апостолов, их более всего поражало то, как Он безошибочно выбирал Себе учеников и знал все об их жизни. Оттого Нафанаил, по словам Иоанна, и воскликнул: «Ты – Сын Божий, Ты – Царь Израилев» (Ин. 1: 49). Иисус ответил: «...ты веришь, потому что Я тебе сказал: Я видел тебя под смоковницею; увидишь больше сего» (Ин. 1: 50). Но важно отметить: хотя Иисус отлично сознавал, что наделен сверхъестественными силами, Он отнюдь не желал выставлять их напоказ – это было одним из искушений, с которыми Он боролся в пустыне. И потому творил чудеса неохотно.

Спустя три дня после выбора апостолов, как повествует Иоанн, Иисус присутствовал на свадьбе в Кане, городке на берегу Галилейского моря, где прежде рыбачили его ученики. Те пошли с Иисусом. Праздник был семейным, женился один из многочисленных родственников Марии. Иоанн рассказывает о событии, которое зовет «началом чудес» (Ин. 2: 1–11). Эта история – один из самых захватывающих эпизодов во всем Новом Завете – изобилует подробностями, подтверждающими достоверность всего повествования. По крайней мере, она говорит о том, насколько чутко понимали друг друга без слов Иисус и Матерь Его.

Марию беспокоило то, что Иисус привел с Собою столько последователей. Либо потому, что гости, хоть и желанные, пришли неожиданно, либо по какой-то иной причине – хозяйки в I веке от Р. Х. тоже допускали оплошности – в доме закончилось вино. Мария испугалась за доброе имя Своей семьи и попросила Иисуса как-нибудь выручить хозяев дома из затруднения. «Вина нет у них», – сказала Мария. Ее спокойная уверенность в том, что Сын сотворит чудо по простому обиходному поводу, подтверждает: Матерь полностью осознавала Его силу. Однако в ответ на просьбу Мария неожиданно получила резкую отповедь: «...что Мне и Тебе, Жйно? еще не пришел час Мой». Из всего, что мы знаем об Иисусе, невозможно представить, чтобы Он заговорил с Матерью или кем-либо иным грубо – но с Матерью в особенности. И конечно, Мария не считает Его ответ грубым. Сердце Материнское ведаёт Его доброту и любовь к Ней, толкует его кажущийся отказ как знак того, что Сын безусловно исполнит Материнскую просьбу. И Она спокойно велит слугителям: «...что скажет Он вам, то сделайте».

И еще одна подробность, красноречивая мелочь – из тех, что подтверждают чистую правду евангельского рассказа. Иисус заметил шесть пустовавших каменных водоносов, «вмещавших по две или по три меры» (одна мера соответствует 40,9 л). Иисус велел наполнить эти сосуды водой, и, когда слуги сделали это, Иисус велел: «теперь почерпните и несите распорядителю пира». И тут упоминается третья мелкая подробность – прибавляющая достоверности еще больше против прежнего. Распорядитель пира – должность, коей, по счастью, больше не существует (по крайней мере, на Западе), – почел своим долгом проверить качество вина. И отведав, сказал жениху: «всякий человек подает сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее; а ты хорошее вино сберег доселе». Любопытно: что именно произнес бы этот самодовольный человек, допусти Мария и Сын Ее, чтобы вино на пиру закончилось? А так Иисус сотворил для застолья, по моим подсчетам, приблизительно тысячу бутылок отменного выдержанного вина. В северо-западной части Галилеи, где исстари потребляли много вина, это малое чудо прозвали «славным». Все подробности, относящиеся к превращению воды в вино, можно считать безукоризненно достоверными: ежели речь заходит о количестве и качестве выпивки, мужчины очень редко ошибаются в наблюдениях и подсчетах.

И чудо в Кане, как мы понимаем, было не первым. До того уже было чудом, что Иисусу удалось избежать смерти от рук разъяренной толпы в синагоге на вершине холма, а еще Иисус сотворил целый замёт рыбы в неводе, когда призывал Симона Петра и его товарищей. Но все

три чуда были вынужденными – скорее, ответами на безвыходное положение, а не преднамеренным использованием Божественных сил напоказ.

И действительно, хотя сотворение чудес считалось одной из важнейших сторон служения Иисусова, как в то время, так и позже, сам Иисус не придавал ему особого значения. Через двадцать лет после смерти Христа апостол Павел указал на существенную разницу между еврейской и греческой культурами: «Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости...» (1 Кор. 1: 22). В иудейском богословии Господь создал природу, что само по себе является чудом или бесконечным рядом чудес. И то, что по воле Божьей в определенный миг законы природы нарушаются – еще один пример всемогущества Божьего – чуда; и Ветхий Завет изобилует чудесами, знамениями Божьей власти. Если возникала необходимость, Иисус был готов явить всемогущество Божие при помощи чуда. Но Он неоднократно отказывался от роли чудотворца как простого орудия «знамений и чудес». Лука говорит: Иисус называл постоянную потребность людей в «знамениях» знаком «лукавого рода»: «...он ищет знамения, и знамение не дастся ему» (Лк. 11: 29). Рассказывая историю нищего по имени Лазарь и некоего нечестивого богача (Лк. 16: 19–31), Иисус ясно дает понять, что в глазах Господа ценнее люди, готовые слушать святую истину, принять ее и следовать ей, а не те, кто ждет знамений и чудес, дабы увериться в истине. Иисус учил: истина всегда разумна, добродетель осмысленна, следовать Его учению и повиноваться заповедям Господним велит человеку рассудок. Таким образом, Иисусу гораздо ближе по духу взгляды греков, а не иудеев. Апостол Павел стремился передать Иисусовы мысли с точки зрения греческой культуры, таким образом воплощая намерения Учителя. А величайший богословский трактат Фомы Аквинского под названием «Сумма теологии» (*Summa theologiae*), написанный в XIII веке, представляет христианство как разумное нравственное зодчество. Этот философский труд стал кульминацией процесса, начатого Иисусом в Галилее за двенадцать веков до него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.